

откровения, уровень знаний. Вторая стадия исторического нисхождения основывалась на экзотерической религиозности, конфессионально соотносимой с протестантской декларацией всеобщего священства («каждый сам себе священник»). Третьей эпохой сменяемых моделей познания явилось выдвижение на авансцену секулярной классической науки, предстающей как расщепленное знание, в котором религиозно-трансцендентный уровень был выведен за скобки. Наконец, после прохождения переходных периодов неоклассики и постклассики, утвердился постмодернизм с определяющей для него чертой индивидуализации знаний.

«Ценности» как предмет научной дискуссии

Лексин В.Н. доктор экономических наук

Первый доклад и его начавшееся обсуждение при завораживающем блеске игры ума моих коллег все же оставляет ощущение концептуальной размытости обсуждаемой проблемы. Не исключено, что это — лишь мое субъективное восприятие, связанное с профессиональным пристрастием к определенности целеполагания научных обсуждений. И тем не менее, пока у меня нет уверенности в том, что мы, не договорившись о главном, сможем более или менее определенно ответить на вопрос о потенциях гуманитарного знания в формировании и утверждении «высших ценностей российского государства». Меня отчасти смущает обозначившаяся возможность дальнейшего существования нашего интересно задуманного семинара в виде еще одной академически освоенной «площадки» для изложения каждым из нас неких молчаливо не разделяемых или вяло оспариваемых соображений по поводу содержания доклада, не всегда совпадающего с его названием. При этом каждый из нас в отдельности в ходе нашей беседы может информационно подкрепиться, но я пока с трудом представляю технологии формирования хоть какого-то единого семинарского

продукта, т. е. тех позитивных положений, которые можно было бы «вынести за скобки» наших частных выступлений, а затем и найти им соответствующее место в общем проекте.

Мне кажется, что ключевое понятие обсуждаемого доклада — «ценности», и в контексте темы нашего семинара я рискнул бы его определить как совокупность аксиом (в буквальном смысле: считаю справедливым, доказанным), принимаемых в качестве своеобразных ориентиров для разработки и оценки различных политик (социальной, экономической и т. п.), для формирования и оценки поведения участников общественных отношений: социальных групп, объединений, партий, бизнеса и, в первую очередь, отдельной личности. Аксиоматическая суть «ценностей» и их множественность, их исторически обусловленные модификации и роль в современной организации общества, а также логическая цепь «ценности — ценностные ориентации» (в том числе — государства), по моему мнению, могли бы стать вполне осязаемыми системообразующими компонентами наших обсуждений.

Хотел бы обратить внимание на то, что скептическое отношение к «ценностям» все более характерно для общества (вернее, для его идеологов, публицистов, политиков, масс-медиа) во многих постпассионарных странах, где нетрудно обнаружить процесс, который я назвал бы «обесцениванием ценности ценностей». И, напротив, пассионарность большинства самых активных игроков на поле мировой политики и экономики основывается не только на декларировании, но и на практическом закреплении в законах и нормах поведения людей конкретных общепринятых «ценностей».

Здесь уже звучали имена известных (и не очень) философов и историков, прямо или косвенно рассуждавших о природе «ценностей». Я бы включил в этот ряд и мало чтимого сейчас Гегеля, который в «Философии права» определял «ценность» как количественную определенность, вытекающую из качественной определенности и (что весьма важно) как *внутренне равное* в вещах. Мне всегда были лю-

бопытны нравственно-политические размышления этого великого немца, но сейчас я хотел бы обратить внимание на многократное подчеркивание им «ценности» как меры и как некоего универсума, — всего того, что сейчас крайне трудно отыскать в любой из российских политик.

Мне хотелось бы уйти от соблазна чрезмерно снисходительного отношения ко многому из того, что ранее было исследовано и предложено в рамках обсуждаемой проблемы (...«синергетика — это уже в прошлом»...). Мне часто приходится сталкиваться с суждениями, в основе которых лежит необсуждаемая уверенность в необходимости использования только новых методологических подходов. Создается впечатление, что неудачи в постановке, анализе и, тем более, решении общественно значимых проблем преимущественно связаны со слабостью методологического инструментария, унаследованного от наших предшественников. Мне же всегда казалось, что дело и в неумении (или в нежелании) адекватно оценить и применить уже имеющееся. По крайней мере, мне не встречались, например, доказательства невозможности (нерациональности) использования для исследования проблемы «ценностей» аксиоматических методов, естественно, доказав, что исходные ценностные аксиомы истинны. Конечно, трудно предположить появление в философии, политологии, истории и других общественных науках, занимающихся проблемами «ценностей», чего-нибудь похожего на гильбертову метаматематику, но сама дедуктивная технология вывода интересующих нас положений, отработанная в прикладной аксиологии, может оказаться более чем полезной.

Поэтому я бы не «сбрасывал с парохода современности» ни биопсихологические интерпретации генезиса «ценностей» Дж. Дьюи и Р.Б. Перри, ни неокантианскую идеализацию «ценностей» («нормативное» сознание, «вневременность» аксиологической серии, зависимость онтологической основы личности от иерархии «ценностей» и т. п.), ни гартмановские утверждения о суверенитете «цен-

ностей», ни дильтеевы идеи аксиологического плюрализма, ни социо-культурологические построения Тойнби и П. Сорокина, ни возвращение к нормативному характеру «ценностей» М. Вебера, ни своеобразную интерпретацию ценностей в учении о социальных системах Т. Парсонса, ни совершенно чуждую мне теорию экономического поведения человека Гэри С. Беккера и т. д. Можно называть все новые и новые имена, не забывая при этом, что теория «ценностей» почти никогда не делала попытки синтеза накопленных знаний.

В связи с вышесказанным нелишне заметить, что практика действительно требует вторжения аксиологии и аксиоматики в процедуры принятия решений и в моделирование умственной деятельности. Назову среди явных подтверждений этого получившие мировое признание труды моего покойного коллеги, академика О.И. Ларичева в области когнитивной психологии и психологических проблем принятия решений, систем поддержки принятия решений (вербальный анализ решений), многокритериальной оптимизации и др.

Я не думаю, что столь мощно заявленная тема первого доклада (и его обсуждения) исчерпана; видимо, слова, включенные в название доклада («ценности», «мышление», «наука», «миропознание», «миростроительство»), будут постоянно звучать и в последующем. Хотелось бы надеяться на то, что в ходе многих итераций мы все же придем к ответу на вопросы: насколько «наука» в состоянии не только рассуждать о природе «ценностей», но и обосновать их сущность, необходимость, незыблемость и конъюнктурность, консерватизм и изменчивость? насколько «миропознание» есть познание «ценностей» как объективной или субъективизированной реальности? насколько, зачем и с какими результатами «миростроительство» осуществляется (может, должно осуществляться) в координатах «ценностей»? Мне кажется, что определенное согласие в ответах на эти вопросы все же может быть достигнуто.